

Russia and America in the 21st Century. 2013-2020

ISSN 2070-5476

URL - [http://rusus.jes.su](https://rusus.jes.su)

All right reserved

Issue 2 Volume . 2018

Reforming the U.S. Army Organization at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries

I. Prokopiev

*Institute for the U.S. and Canadian Studies, RAS; Russian Ministry of Foreign Affairs
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article examines the major theoretical and practical efforts of the U.S. Army in search of its new standing and functions within the uniformed services after the end of the Cold War. It assesses the key changes in doctrine, organization, training and warfighting methods as a response to geopolitical and economic environment of the last 25 years.

Keywords list (en): U.S. Army, post-Cold War reform of the armed forces, defense policy, military thinking, defense planning

Date of publication: 12.09.2018

Citation link:

Prokopiev I. Reforming the U.S. Army Organization at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries // Russia and America in the 21st Century. 2018. Issue 2 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000019-7-1/> (circulation date: 27.05.2020). DOI: 10.18254/S0000019-7-1

1

На пороге XXI века

Окончание холодной войны фундаментально поменяло императивы американской безопасности, застав Министерство обороны врасплох. Десятилетиями военная доктрина США предполагала противостояние равному сопернику. После распада СССР «военное руководство не представляло дальнейших направлений развития: к какой войне готовиться и

какие для этого нужны вооружения и средства»¹. В новых геополитических условиях значительно снижалась потребность в содержании масштабной армии, что подталкивало американцев к глубокому сокращению, в первую очередь, наземной группировки сил и средств. К середине 1990-х годов она уменьшилась почти вдвое – с 18 до 10 дивизий.

2 Пришлось задуматься, как компенсировать значительные «потери» личного состава. Американская военная мысль двигалась в сторону синергии возможностей различных видов войск, которые благодаря информационным технологиям и новым огневым средствам могли бы совместно планировать операции и эффективнее действовать на «едином» поле боя. Стремясь к «объединённости», в 1996 г. руководство КНШ разработало теорию «системы систем», позволяющую перейти от идеи концентрации сил (*mass forces*) к подходу, опирающемуся на применение наиболее сильного воздействия, или эффекта (*mass effects*)². Новый тезис немедленно получил отражение в военно-стратегических документах и оказал влияние на последующие преобразования оргструктуры сухопутных войск (СВ) США.

3 Теорию доработала концепция «быстрого достижения превосходства», более известная как «шок и трепет»³. Её авторы исходили из того, что взаимодействие рассредоточенных по полю боя сил и средств, способных достигать «массовых эффектов», позволит разделить принятие решений между соединениями более низкого звена⁴. Опираясь на представления об использовании разветвлённой информационно-разведывательной сети для получения тотальной осведомлённости об обстановке, предполагалось мгновенное одновременное применение сил общего и специального назначения на суше, на море, в воздухе и в космосе в отношении военной, политической, экономической, социальной, инфраструктурной и информационной систем противника⁵.

4 Из этого родилась апробированная на Балканах концепция «операций на основе эффектов» (ООЭ), которая предполагала «интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур» в отношении противника, которого рассматривали «как сложную систему, функционирование которой необходимо нарушить, избирательно воздействуя на уязвимые элементы»⁶. Вершиной этих интеллектуальных исканий стало внедрение в военно-теоретический дискурс понятия «сетцентричной войны» (*network-centric warfare*), предусматривающего отказ от масштабного применения отдельных платформ (*platform-centric warfare*) в пользу интегрального использования рассредоточенной по театру военных действий «сети» боевых средств, способных молниеносно обмениваться данными и вести огонь по противнику с наиболее выгодных позиций⁷.

5 Встраивание СВ США в новую концептуальную архитектуру, опирающуюся, в первую очередь, на высокотехнологичные военно-воздушные и космические средства, началось не сразу, поскольку сперва было необходимо решить более насущные задачи – сохранить боеспособность после масштабных сокращений, закрепить успехи и исправить неудачи войны в Кувейте. Действия в Персидском заливе в 1990–1991 гг. обнажили «застарелую» проблему – «сухопутчикам» потребовалось около полугода на переброску необходимых для войны сил и средств. Неспособность к быстрому развёртыванию и продвижению в целом снижала оперативную применимость⁸.

6 Ответом на это стало качественно иное видение применения сухопутных сил в будущем – создание «новых сил для нового столетия» (*Force XXI*). В период 2000–2010 гг. предлагалось, используя новейшие достижения информационных технологий, улучшить управляемость, осведомлённость и подвижность имеющейся дивизионной структуры⁹. Рекомендовалось также повысить организационную гибкость путём комбинирования соединений в зависимости от задач, использования цифровых инноваций и облегчения техники

для переброски в любую точку мира. «Знание, гибкость и мобильность стали мантрами реформирования СВ США в 1990-е годы»¹⁰.

7 С учётом того, что внедрение этих идей шло медленно, и подвижность войск оставалась низкой, в МО представили обновлённый план развития сухопутных войск (*Army After Next*), предполагавший подготовку к участию после 2010 г. в интенсивных конфликтах ограниченного масштаба на отдаленных ТВД по типу «Бури в пустыне», для чего «требовалось повысить скорость, с которой они проецируют силу за рубежом»¹¹. Ядром нового видения были «лёгкие» мобильные соединения бригадного уровня, оснащённые по последнему слову техники, способные быстро перебрасываться по воздуху, осуществлять гибкий манёвр и вести точный огонь со значительного удаления.

8 Приступить к реализации радикальных преобразований экспедиционных возможностей войска побудили действия на Балканах в 1999 году. Тогда начальник штаба СВ США Э. Шинсеки предложил взять за основу упомянутую структуру и установить нормативы для переброски контингентов в любую точку мира – 96 часов для бригады, 120 часов для дивизии, 30 дней для пяти дивизий¹². Однако ввиду сопротивления военной бюрократии реализация плана началась только после смены военно-политического руководства США.

9

Влияние оборонной «трансформации» и войны с террором

Своему современному облику сухопутные войска США во многом обязаны оборонной «трансформации» при «неоконсервативной» администрации в 2000-е годы. Ещё во время избирательной кампании Дж. Буш-младший, взяв за основу подходы, высказанные незадолго до этого в докладе независимой Комиссии по делам национальной обороны, пообещал «приступить к созданию войск нового столетия», пересмотрев стратегию, задачи и структуру ВС, принципы их организации и базирования за рубежом, закупочные приоритеты и т.д.¹³

10 Согласно этому видению, предполагалось сокращение устаревшей военной организации, предназначенной для участия в «традиционных» межгосударственных конфликтах, и её преобразование в принципиально иную, адаптированную к требованиям XXI века для отражения асимметричных угроз, за счёт перераспределения финансирования на использование революционных достижений в военных технологиях, новейших оперативных концепций и оргструктуры. Войска должны были участвовать в боевых действиях на удаленных ТВД в составе объединённой межвидовой группировки, а иногда – в коалициях, меньшими, но более боеспособными силами и средствами при ограниченном материально-техническом обеспечении и с минимальными потерями. В этой схеме «костяк» сухопутных войск США должен был состоять из относительно небольших подразделений, которые будут рассредоточены по полю боя с опорой на сеть малых пунктов обеспечения¹⁴.

11 «Трансформация», означавшая проведение объединённых операций, эксплуатацию разведывательных преимуществ, разработку новых концепций и экспериментирование, а также создание новых систем вооружений и военной техники (ВВТ), стала фундаментом для достижения непрерывной масштабной проекции интегрированных сил в рамках концепции «быстрого ответа». Она лежала в основе так называемой «доктрины Рамсфельда», суть которой сводилась к тому, что «министр обороны... и его люди, будучи страстными энтузиастами “революции в военном деле”, были твёрдо уверены в том, что именно передовые, и прежде всего информационные, технологии – ключ к американскому абсолютному военному превосходству в XXI веке»¹⁵.

12 Вместе с тем, практика показала, что эффект от внедрения технологий на «трансформацию» был не слишком большим. По-настоящему значимыми стали организационные нововведения в войсках, чётко отражавшие установки ключевых доктринальных документов того периода. Одним из важнейших результатов «трансформации» стал пересмотр сложившегося в годы холодной войны подхода к базированию сил за рубежом. Новый подход предполагал поддержание трёх типов инфраструктуры – «главных оперативных баз», «передовых боевых позиций» и «пунктов совместной безопасности». Кроме того, на них также могли находиться «передовые объекты складского хранения», которые снижали необходимость переброски тяжёлой боевой, ремонтной и обслуживающей техники с континентальной части США.

13 Сухопутные войска США сделали ставку на создание «попутной инфраструктуры» для ротационного присутствия вместо постоянного размещения контингентов за рубежом. Это способствовало оптимизации возможностей стратегической переброски и мобильности на отдалённых ТВД, позволяя находиться ближе к источникам угрозы и в случае необходимости добиваться быстрой концентрации сил на выбранных направлениях. В долгосрочной перспективе это давало возможность поддерживать поток в/из зон боевых действий, создать «стратегический» резерв сил, синхронизировав подготовку ударных и обслуживающих подразделений¹⁶.

14 Неотъемлемым дополнением новой схемы экспедиционного развёртывания стало повышение мобильности и манёвренности крупных сухопутных формирований, неповоротливость которых выявилась в ходе операций в 1990-е годы. Решить проблему хотели как технически, так и организационно. Так возник проект «боевых систем будущего» – главной военно-технической программы «трансформации», в рамках которого предусматривалось создание семейства облегчённой (массой до 20 т) бронетехники, интегрированной в единую информационно-огневую сеть¹⁷. Но в итоге от проекта отказались, так как он оказался слишком дорогим и не решал поставленной задачи по быстрой переброске.

15 Более значимым оказался переход СВ США к новому типу структуры, в которой основной организационной единицей вместо корпусов и дивизий становились более манёвренные ударные бригады, или «бригадные тактические группы» (БТГ), укомплектованные новейшей техникой. Реорганизация не должна была сказаться на численности личного состава, но значительно повышала скорость и точность развёртывания сил. БТГ были более самостоятельными, поскольку не зависели, как это было ранее, от подразделений обеспечения дивизионного уровня (разведка, материально-техническое обеспечение, артиллерия, ПВО и т.д.).

16 Соединения нового типа впервые применили в Ираке в 2003 году. А к началу 2010-х годов Министерство обороны переформировало все 10 сухопутных дивизий в 42 «линейные» бригады трёх типов – моторизированные бригады «Страйкер»; «тяжёлые» бронетанковые, укомплектованные танками «Абрамс» и боевыми бронемашинами «Брэдли»; и «лёгкие» пехотные, включая воздушно-десантные и десантно-штурмовые. Тогда же значительно усовершенствовали принципы формирования бригад армейской авиации, а в 2006 г. внедрили новый процесс формирования сухопутных войск США (*Army Force Generation – ARFORGEN*).

17 Кроме того, в рамках «трансформации» в СВ США был введён модульный принцип построения соединений и техники. Это означало, что подразделения (батальоны и роты) в рамках БТГ могли сочетаться в различных вариантах в зависимости от поставленных задач и условий на ТВД. Это давало гораздо большую гибкость манёвра. Что касается систем БВТ, то отныне на одном корпусе стало возможно создание нескольких комплектаций под различные задачи. В 2000-е годы данный принцип только начинал внедряться и получил широкое

распространение лишь с середины 2010-х годов.

18 Нововведения, однако, с трудом проходили «крещение огнём», поскольку всё равно были нацелены на участие в межгосударственных конфликтах. Десятилетиями войска игнорировали возможность участия в операциях, проводимых вне условий войны (*military operations other than war*), рассматривая их как второстепенные и маловероятные¹⁸. Но «нетрадиционный» характер противника, с которым американцы столкнулись в Ираке и Афганистане, заставил военно-политическое руководство забыть про «трансформацию» и обратиться к опыту контрповстанческих боевых действий, ориентируя на это сухопутные войска. Достижения военно-технической и информационной революции, несмотря на растущее применение ударной беспилотной авиации, оказались малоэффективны против врага, у которого отсутствовали регулярные формирования, тяжёлые вооружения, стационарная инфраструктура. Да, и облегчённая техника (в частности, бронемшины «Страйкер») оказалась уязвимой к самодельным взрывным устройствам, ввиду чего пришлось пожертвовать мобильностью в пользу защищённости.

19 Для борьбы с малочисленными децентрализованными группами противника, маскирующимися под мирное население, требовались войска на местах, владеющие иными способами ведения войны и снабжённые улучшенными средствами персональной защиты, связи и стрелковым оружием. В итоге, впервые со времен войны во Вьетнаме МО США подготовило директивы, определявшие порядок участия регулярных подразделений в «необычных» боевых условиях. Новые оперативные концепции проведения «нетрадиционных», контрповстанческих операций и боевых действий в городских условиях рассказывали, как выстраивать отношения с местным населением, развивать институты местного самоуправления, отличать гражданское население от комбатантов и т.д.¹⁹ Таким образом, для сухопутных войск «послевоенные операции по стабилизации по степени значимости приравнивались к военным»²⁰.

20

Сухопутные войска США в годы администрации Б. Обамы

На фоне глобального финансово-экономического кризиса и сворачивания боевых действий в Афганистане и Ираке на стыке администраций Дж. Буша-младшего и Б. Обамы военно-политическое руководство США пришло к выводу о необходимости «восстановления равновесия» войск²¹. В условиях жёсткой экономии и нарастания нестабильности в мире ВС США приступили к очередному раунду сокращений личного состава и пересмотру приоритетов. Адаптация к изменившимся условиям безопасности вновь требовала повышения эффективности применения сил и средств, переосмысления доктрин, способов управления, организации, методов подготовки и образования, материально-технического и кадрового обеспечения. Кроме того, в расчёт принимались изменения перспективного характера боевых действий, которые вынуждали воевать далеко за пределами передовых баз и сталкиваться с неопределённо широким кругом противников.

21 Теоретическим «двигателем» общевойсковых преобразований выступила концепция обеспечения доступа объединённых сил к местам проведения операций, а также сводная концепция объединённых операций²². В этих документах, развивавших положения стратегических оборонных директив 2012 г., признавалось, что эпоха слабых противников заканчивается. В будущем ВС США будут сталкиваться преимущественно с сильными, хорошо защищёнными и оснащёнными современными вооружениями субъектами, что потребует соответствующей реакции. В связи с этим оперативный успех рассматривался как достижение силового превосходства и обеспечение гарантированной свободы действий, выйти

на которые было возможно только через взаимодополняющие действия различных сил и средств в нескольких оперативных пространствах, среди которых ключевыми назывались космос и киберсреда. ВС США должны были к 2020 г. добиться более глубокой структурно-функциональной интеграции, чтобы проводить комплексные операции в глобальном масштабе.

22 Наиболее приоритетными становились следующие задачи:

- быстрая проекция силы по всему миру, внутренняя и внешняя оперативно-функциональная совместимость;
- стандартизация тактики, методики и процедур внутри ВС США и с силами союзников и партнёров;
- развитие системы межвидового образования офицерского, сержантского и рядового состава с особым акцентом на глубокое знание регионов мира;
- осуществление командования и управления на основе цифровых «облачных» технологий;
- интеграция сил общего и специального назначения;
- разработка новых методов и средств обработки больших массивов данных;
- единая координация огневых средств разных видов ВС;
- создание техники для преодоления средств отказа в доступе со стороны противника;
- улучшение оперативно-стратегической мобильности и тактического маневрирования при наращивании транспортно-логистических возможностей;
- укрепление наступательного и оборонительного потенциала в космическом и киберпространстве;
- интеграция противоракетных средств;
- создание единой системы материально-технического обеспечения; повышение энергонезависимости войск.

23 Важным развитием этого видения на рубеже 2000–2010-х годов стала вспомогательная концепция проведения «совместных воздушно-морских операций» (*Air-Sea Battle*), в реализации которой изначально не предполагалось участие СВ США. Однако оперативная необходимость заставила военных пересмотреть роль наземной группировки в будущих конфликтах с учётом того, что любая победа в воздухе и на море не будет полной без последующего наземного вторжения на территорию противника. В связи с этим в 2015 г. концепция получила расширительное название – «доступ и маневрирование объединённых сил в сферах всеобщего достояния»²³. В рамках её реализации предполагалось развитие сетевой межвидовой структуры ВС для глубокого наступления с целью дезорганизации, уничтожения и разгрома противника. Это требовало одновременного комплексного проведения операций в воздухе, на море и на суше, в космосе и в компьютерных сетях. Необходимо было также достичь беспрецедентного уровня интеграции сил – от штабов до позиций на местах – внутри отдельных видов, усиления межвидового, межведомственного и международного военного сотрудничества. Предусматривались совместное планирование, подготовка и обучение, командно-штабные и оперативные учения, а также единые закупки и модернизацию ВВТ.

24 Несмотря на стремление СВ США сохранить и приумножить боевой опыт длительных операций и навыки борьбы с терроризмом и повстанческим движением, тенденции развития военного дела в XXI веке требовали от них критического взгляда на участие в операциях по всему спектру боевых действий. В Министерстве обороны существовало понимание, что угрозы во всех оперативных пространствах рождаются на суше, а, значит, в перспективных войнах применение армии очень важно для достижения длительных политических результатов. В 2012 г. руководство сухопутных войск США обозначило новую программу. Армия вступила в «переходный период», во время которого надо было

приспособиться к геополитическим, экономическим и технологическим изменениям, создав новые оперативные концепции, методы и средства ведения боя. Она должна была выполнять широкий круг задач вместе с другими видами ВС, ведомствами и силами зарубежных государств, быстро и гибко адаптироваться к любой оперативной обстановке, использовать научно-технические достижения и обладать улучшенной подготовкой для выполнения небоевых задач, в том числе в рамках идеи «регионального приспособления»²⁴.

25 Предполагалось, что в течение 2020-х годов в США сформируется «стратегическая наземная группировка», основу которой составят качественно новые сухопутные войска, которые будут находиться в тесном контакте с подразделениями Корпуса морской пехоты, сил специальных операций и Киберкомандования США. Также требовалось привлечение ВВС (пилотируемая авиация, беспилотные летательные аппараты и космические разведсредства) и мощного тыла, что позволяло подготовить армию для выполнения задач независимо от места проведения операций²⁵. В рамках проработки облика СВ США на период 2020–2040 гг. был разработан долгосрочный план развития (*Force 2025 and Beyond*)²⁶. Он предусматривал решение таких задач, как ответ на угрозы в глобальном масштабе и формирование пространства безопасности, проекцию силы в отдельные регионы, обеспечение безопасности больших территорий, быстрое понимание оперативной обстановки, участие в объединённых межвидовых операциях, ведение боевых действий высокой интенсивности, закрепление на ТВД, предотвращение и ликвидация кризисных ситуаций на территории США, совершенствование организации и хозяйственных процессов, улучшение пригодности личного состава, совместные манёвры во всех оперативных пространствах, проведение специальных и киберопераций. Однако дальше теоретических наработок дело не пошло.

26 На практике оргструктура сухопутных войск США стала претерпевать изменения. Качественным преобразованиям подверглись бригады и батальоны. С 2013 г. численность каждой из бригадных тактических групп незначительно сократили (с 4 500 до 4 000 человек), а высвободившимся личным составом были укомплектованы кадрированные части. Постепенно стали «возрождать» самостоятельные штабы дивизий, по сути упразднённые в ходе «трансформации». К 2016 г. в целом достигли, как тогда казалось военным, желаемого экспедиционного характера для участия в широком наборе операций по всему миру. Однако добиться полного выполнения поставленных задач не удалось. Всё более очевидными становились глубокие структурно-функциональные проблемы, на которые долгое время не обращали внимания.

27

Состояние сухопутных войск США на современном этапе

С недавних пор состояние СВ вызывает у руководства Министерства обороны ощущение дежавю, оживляя в памяти образ «дутой армии» (*hollow force*) 1970-х годов, когда поражение во Вьетнаме заставило войска болезненно осознать бесполезность приобретённого боевого опыта для борьбы с главным противником – Советским Союзом²⁷. Спустя 40 лет сухопутные войска вновь оказались в затруднительном положении. По мере пробуждения после «послехолодновоенного» сна в Вашингтоне развеялась убеждённость в том, что США навсегда останутся единственной сверхдержавой. Более уверенное военно-политическое поведение России и Китая в мире в последние годы поставили Вашингтон перед новой реальностью. «Эти страны хорошо изучили американские доктрины, методики подготовки, оборудование и организацию и пересмотрели собственные подходы к войне, что сделало их сильнее»²⁸.

28

Важную роль в «деградации» американской боеспособности на суше сыграла смена

концептуальных подходов к проведению операций на фоне тектонических сдвигов на международной арене. Военно-стратегические документы рубежа XX–XXI веков свидетельствуют: окончание холодной войны лишило США врага и устранило необходимость подготовки к масштабным манёврам. Уверенность в победе за счёт технических возможностей (*capabilities-based approach*) подменила опору на реальные угрозы (*threat-based approach*). Как результат, сухопутные доктрины последних десятилетий предусматривали не то, что вооружённые силы должны и могли делать, а что хотели бы делать в случае столкновения с тождественным противником²⁹.

29 В связи с этим, «море концепций, возникших после холодной войны, брало в расчёт лишь существующие или вымышленные боевые возможности и часто пренебрегало законами физики и экономики, но что важнее, было лишено конкретной цели. Бесконечная погоня за возможностями, которые бы хотелось использовать в войне без учёта того, против кого и где она будет проходить, сопровождалась ростом издержек и прочими сложностями. Военная мысль стала жертвой военно-технологического детерминизма, когда в основу боевых концепций ставилась техника без учёта угроз»³⁰. Однобокое внедрение «революции в военном деле», веру в которую подкрепляли успехи в Персидском заливе, на Балканах и ранних этапах глобальной войны с терроризмом, превратилось в самоцель. Однако к середине 2010-х годов руководству СВ стало очевидно, что «после шока и трепета всегда следует наступление и бой [на земле]»³¹.

30 Немалое влияние на снижение готовности сухопутных войск к участию в конфликтах высокой интенсивности также оказало мышление, укоренившееся в результате «трансформации» и боевых действий в Афганистане и Ираке. В угоду центральному элементу преобразованной оргструктуры СВ – бригадным тактическим группам – Министерство обороны по сути избавилось от крупных соединений, которые лишились ключевых подразделений обеспечения, а их штабы стали выполнять второстепенные функции. В итоге в ходе «бригадоцентричных» контрповстанческих и стабилизационных операций войска утратили навыки борьбы с крупным противником и в целом понимание роли дивизий и корпусов на поле боя, снизилась способность армии проводить операции по всему спектру военных действий и сузился опыт командования, на возвращение чего потребуются годы³².

31 Ситуацию усугубило «восстановление равновесия», задуманное администрацией Б. Обамы, чтобы разгрузить войска после изнурительных кампаний на Большом Ближнем Востоке. С начала 2010-х годов на фоне вывода основного контингента из Ирака и Афганистана, а также ввиду принятия закона «О контроле над бюджетом» вооружённые силы США второй раз после холодной войны подверглись глубоким сокращениям, что значительно снизило способность «сухопутчиков» выполнять в полном объёме поставленные задачи. С пиковых значений 2011 фин. г. общая численность сухопутных войск (включая резерв и Нацгвардию) к 2017 фин. г. снизилась на 9% (с более 1,1 млн человек до почти 1 млн), регулярные силы – на 14% (с 566 тыс. человек до 476 тыс.), причём количество БТГ снизилось на 31% (с максимума в 45 единиц в 2013 фин. г. до 31 в 2017 фин. г.)³³.

32 Но эти показатели не в полной мере отражают настоящее положение дел. С одной стороны, в рамках преобразований оргструктуры 2015 г. по мере сокращения числа БТГ командование увеличило с двух до трёх количество линейных батальонов в «лёгких» и «тяжёлых» бригадах, нарастило численность и оснащённость подразделений инженерной и огневой поддержки. С другой стороны, в последние полтора десятилетия всё лучшее получали лишь части, направляемые в зоны боевых действий, – значительная же доля сухопутных войск испытывала недостаток в подготовке. Поэтому с середины 2010-х годов наблюдается ситуация, при которой далеко не все соединения бригадного уровня способны в любой момент времени вступить в бой. В 2017 фин. году лишь 10 БТГ из 31 были «условно боеготовны»,

причём только три могли «немедленно принять участие в конфликте». Таким образом, можно сделать вывод, что, реальная боеготовность СВ находится «на крайне низком уровне»³⁴.

33 В отличие от остальных видов войск, сумевших компенсировать сокращение численности и финансирования за счёт внедрения военно-технических достижений, сухопутным войскам сделать это не удаётся. Напротив, очередное изменение геополитической обстановки требует именно наращивания американского сухопутного присутствия в мире³⁵, что отчасти подтверждается почти 10%-ным приростом численности СВ за рубежом в 2011–2017 фин. гг. (со 168 тыс. человек до 186 тыс.). Основываясь на статистике войн в Корее, Вьетнаме и Персидском заливе, эксперты подсчитали, что для успеха в крупном региональном конфликте США «в среднем» требуется контингент, эквивалентный 21 БТГ. Для участия одновременно в двух таких конфликтах (намек на Россию и Китай) необходимо вдвое больше, плюс около 20% стратегического резерва – итого 50 БТГ, или 14 дивизий. В настоящее время в структуре сухопутных войск 31 БТГ. Таким образом, нужно ещё 19 бригад суммарной численностью около 85 тыс. человек³⁶.

34 Расчёты политологов совпадают с мнением военных, которые с приходом администрации Д. Трампа, настроенного на наращивание военной мощи, также провели анализ и решили, что исходя из стоящих задач, в том числе в новой редакции стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны, для исправления ситуации нужно увеличить численность активного компонента сухопутных войск с нынешних 476 тыс. до 540–550 тыс.³⁷

35

Интеллектуальный разворот в сторону «большой» войны

Если ещё в самом начале 2010-х годов в Министерстве обороны считали крупномасштабные конфликты с равноценным противником маловероятными, то череда событий после 2014 г., включая дестабилизацию на Украине, военную модернизацию КНР, ракетно-ядерные провокации КНДР и активную военно-политическую линию Ирана, убедила СВ США в необходимости подготовки после многолетней паузы к «большой» войне, для чего требовалась единая адекватная доктрина с фокусом на задействование крупных войсковых соединений. Пришлось вспомнить уроки прошлого, когда после поражения во Вьетнаме Минобороны направило интеллектуальные усилия на адаптацию военной мысли к противостоянию с СССР. Тогда комплексный пересмотр подходов и внедрение передовых технологий привели к разработке стратегии «Воздушно-наземной операции» (*AirLand Battle*), которая в теории позволяла победить численно превосходящую Красную Армию. В итоге за десятилетие, к началу 1990-х годов, СВ преобразовались из организации, способной преимущественно на тактические действия против партизан, в структуру, готовую к масштабным действиям против Советского Союза. Однако навыки быстро забылись.

36 На современном этапе сухопутные войска вновь погрузились в аналогичный поиск. Уже несколько лет руководство СВ прогнозирует радикальные перемены в военном деле на горизонте 2025–2050 годов. По мнению военачальников, конфликты будущего будут разрешаться преимущественно на суше, а задействование наземной группировки станет неотъемлемым условием достижения политических результатов. Войны будут долгими, потребуют закрепления победы, более квалифицированного личного состава, а вести и выигрывать их будут не отдельные армии как инструменты войны, а целые нации³⁸. Оперативные условия не будут статичными – придётся быстро переключаться с одной задачи на другую, зачастую сочетая их выполнение, что подчёркивает необходимость сохранения навыков борьбы с террористами и повстанцами и одновременную подготовку к войне с регулярными армиями, к чему «лучшие в мире сухопутные силы» пока не готовы³⁹.

37 Рассуждая о том, что природа войны, т.е. применение или угроза применения силы для достижения политических целей путём навязывания врагу своей воли, остаётся неизменной, военные и аналитики указывают на то, что мир находится на краю фундаментальных изменений в характере войны или формы конфликта как производной от изменения условий. Геополитика, демография, технологии, информационные потоки быстро меняют не только общества и экономики, но и всё больше – причины, способы, средства, место и участников боевых действий. В этой связи «сухопутчики» ориентируются на ставшую классической формулу британского военного историка М. Говарда, который полагал, что задача военных институтов не в том, чтобы совершенно правильно понять будущую войну, а в том, чтобы понять её лучше чем противники, и соответственно, гораздо быстрее приспособиться к реальным боевым условиям⁴⁰.

38 В октябре 2016 г. начальник штаба сухопутных войск США М. Майли наметил контуры нового видения⁴¹. В соответствии с ним, в следующие 25 лет угрозы и задачи сегодняшнего дня сохранятся, но их затмит соперничество между великими державами. Доминирование США на море и в воздухе, которое было несомненным преимуществом на протяжении 75 лет, более не будет само собой разумеющимся. Сухопутные войска должны быть готовы к наземному бою против технологически развитого и численно превосходящего врага. Боевые действия в будущем предполагают переброску, бой и поддержание географически рассредоточенных подразделений, объединённых и многонациональных сил на большие расстояния в труднодоступные районы. Силы на ТВД будут действовать под непрерывным наблюдением и массированным высокоточным дальним огнём с большой площадью поражения. Внедрённая в рамках «трансформации» структура базирования, предполагавшая ведение операций с передовых стационарных объектов, уйдёт в прошлое. Продолжительное присутствие сил на базах будет означать гибель, о чём свидетельствует общая тенденция к рассредоточению по полю боя по мере роста поражающей способности вооружений. По подсчётам военных историков, за последние два столетия концентрация живой силы на один квадратный километр снизилась в 200 раз, до порядка 25 человек на кв. км⁴².

39 «Новой нормой» в таких условиях станут более подвижные, рассредоточенные по полю боя, малочисленные соединения и подразделения, способные вести бои в условиях густонаселённых городов. Им придётся быстрее ориентироваться, группироваться и действовать, что приведёт к повышению личной ответственности за принятие решений на более низком уровне и, как следствие, к децентрализации ведения боя, позволяя войскам на местах корректировать поставленные задачи для более успешного достижения главной цели⁴³. Управление войсками потребует руководства и выполнения задач в условиях непрерывной смены дислокации, для чего нужны более эргономичные и защищённые от средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) информационные сети и системы связи с самыми отдалёнными подразделениями «на ходу»⁴⁴. Вызовами для сухопутных войск будут материально-техническое обеспечение и возможности по переброске на большие расстояния. Кроме того, потребуются новые решения в сфере разведки, длительного автономного функционирования без связи с командованием, безэкипажные конвои и т.д.

40 Американские военные теоретики приходят к заключению, что войны будут выигрываться на индивидуальном уровне, если удастся сломить волю к борьбе отдельных солдат противника. Ведь именно человек – непосредственная мишень и первичный инструмент войны⁴⁵. Высокие требования будут предъявляться не только к физической подготовке, как прежде, но и всё больше к умственным способностям. Боец должен уметь самостоятельно собирать и анализировать большие объёмы информации, выносить суждения и принимать решения. Кроме того, важна социально-психологическая подготовка, включая повышенную

устойчивость к стрессу. Командиры должны быть инициативными, волевыми, критически осмысливать происходящее, обладать твёрдым характером, что позволит им делать верный морально-нравственный выбор, при этом у них должна быть определённая доля умственной и организационной гибкости, чего не наблюдается в сегодняшней армии⁴⁶. В целом же военнослужащие сухопутных войск должны идти на риск (кампании в Афганистане и Ираке привели, напротив, к повсеместному распространению культуры избегания опасности), принимать решения на нижних уровнях и поощрять инициативу снизу, бороться с чрезмерной бюрократией, неповоротливостью процессов и ригидностью мышления, инвестируя в образование и воспитание более этичного и честного поведения⁴⁷.

41

Новый полевой устав сухопутных войск США

Результатом интеллектуальных исканий последних лет стал опубликованный в октябре 2017 г. Полевой устав 3-0 «Операции»⁴⁸. Документ, основанный на Оперативной концепции армии и теории «мультидоменного боя», радикально отличается от предыдущей редакции и отражает новые ориентиры для сухопутных сил в условиях масштабных изменений геополитического ландшафта, при этом следует принципу «новое – это хорошо забытое старое». В уставе говорится, что войны в будущем будут кардинально отличаться от операций в Ираке и Афганистане. Впервые со времён холодной войны у США на доктринальном уровне появляются конкретные противники, на войну с которыми ориентируют сухопутные войска. Это Россия, Китай, Иран и КНДР, которые «стремятся получить стратегическое преимущество и уменьшить американское влияние в мире». Превзойти их будет непросто. Современные средства ПВО и ракетные вооружения серьёзно затрудняют свободу действий американских сил в воздухе и на море, а, значит, ВВС и ВМС не смогут оказать поддержки на суше. Наоборот – именно сухопутные войска должны удачно провести операцию, чтобы позволить флоту и авиации вступить в бой⁴⁹.

42 Как отмечалось, сухопутные доктрины последних десятилетий не давали ответа на подобные вызовы. Из-за заикленности на участии БТГ, штабов дивизий и соединений поддержки и обеспечения в борьбе против врагов с ограниченными военными возможностями армия разучилась вести крупномасштабные конфликты. Сухопутные войска были оптимизированы для участия в операциях, где в ближний бой вступают подразделения не больше роты, не встречались с противником, способным к масштабному огню или крупным манёврам. Новый полевой устав «вдыхает новую жизнь» в эшелоны выше бригады. Впервые после окончания холодной войны признаётся, что в конфликтах ведущую роль должна играть не нынешняя «бригадоцентричная» модель, а дивизии и корпуса, долгие годы сосредоточенные на выполнении тактических задач. Именно эти соединения являются первым эшелоном, который способен планировать и координировать применение самого широкого набора средств по всему театру войны.

43 В Министерстве обороны считают, что оперативный успех отныне не определяется физическими параметрами ТВД. Операции обладают нелинейной природой, т.е. проходят не в двух измерениях (пространство и время), а, как минимум, в четырёх, включая когнитивное (связанное с поведением, мышлением, принятием решений, волей участников войны) и виртуальное, или киберпространство. Боевой опыт последних полутора десятилетий показал, что БТГ, для которых гораздо важнее мобильность, поражающее действие и защищённость на местности, не успевают вести бой одновременно в прочих средах, включая информационную, кибернетическую, радиоэлектронную и космическую. Эти функции необходимо передать более высоким звеньям (дивизия, корпус, армия), которые будут находиться на удалении от

ближнего боя, но обладать более точным представлением о происходящем по всему спектру операций.

44 Устав развивает положения основополагающей концепции проведения объединённых наземных операций. Выстраивается чёткая схема взаимосвязи между тактическими задачами и стратегическими целями, достижение которых является залогом военной победы. Авторы устава пришли к выводу, что в крупномасштабных операциях в будущем не достаточно только разгрома противника. Требуется удержать результат (контроль объектов критической инфраструктуры и гражданского управления, формирование общественного мнения на завоёванных территориях, поддержание стабильности и т.д.). А, значит, для «большой» войны необходимо гораздо больше сил и средств и более широкий набор выполняемых задач⁵⁰. В соответствии с этим видением все типы операций, которые предписано проводить сухопутным войскам, выстроены в единую линию: небоевые операции с целью предотвращения войны (формирование оперативных условий; сдерживание) – крупные наземные операции с целью победы (оборона; наступление) – закрепление военных достижений (поддержание стабильности; передача управления гражданским органам власти). Отмечается, что сухопутные войска будут участвовать в гибридных боевых действиях в тесной координации с дипломатическими, информационными и экономическими инструментами, имеющимися в распоряжении США и союзников, а также уделять внимание подготовке к боям в городских условиях.

45 Принимая в расчёт дополнительную боевую мощь, необходимую для закрепления победы на завоёванных территориях, де-юре расширяются границы проведения боевых действий. Со времён доктрины воздушно-наземных операций (*AirLand Battle*) поле боя разделялось на тыл (*support area*), фронтовую полосу (*close area*) и район нанесения удара (*deep area*). В новом уставе тыл становится шире, надёжнее и динамичнее и делится на стратегический тыл (*strategic support area*), включающий пространство от континентальной части США до ТВД, в том числе порты и аэродромы, линии коммуникации, по которым осуществляется снабжение; совместно контролируемую демилитаризованную зону (*joint security area*) – район защиты межвидовых баз и линий коммуникации, обеспечивающих проведение операций; а также совпадающий с собственно тылом район концентрации сил (*consolidation area*), где сосредотачиваются соединения, которые будут проводить операции по поддержанию стабильности и обеспечению безопасности на завоёванных территориях по мере наступления, чтобы освободить от этого войска во фронтовой полосе. Район нанесения удара разделён рубежом безопасного удаления (*fire support coordination line*) на зону наступательного манёвра (*deep maneuver area*) и зону дальнего огневого поражения (*deep fires area*).

46 Таким образом, новый устав, ориентированный на «большую» войну, одновременно позволяет Министерству обороны обосновать необходимость увеличения состава и структуры сухопутных войск, а также избавиться от подготовки только к борьбе с повстанцами и террористами.

47

Первые шаги в новом направлении

Новый устав уже влияет на обучение и боевую подготовку, на его основании идёт ревизия концепций более низкого порядка, включая уставы для штабов крупных формирований⁵¹. Очевидно, что ключевые положения документа легли в основу редакции Стратегии национальной безопасности от декабря 2017 г., которая также провозглашает необходимость подготовки к крупным межгосударственным конфликтам. Следует отметить,

что сухопутные войска США начали готовиться к участию в конфликтах с равными по силе противниками ещё до публикации Полевого устава⁵². С 2016 г. через учебные центры пропускают на четверть больше бригад – 19 БТГ вместо 15. Нарращивают программы повышения взаимодействия между всеми компонентами СВ, с другими видами вооружённых сил и силами специальных операций, повышают физические и интеллектуальные стандарты отбора в войска. Внедряют новый подход к отработке совместного ведения боя – тактику «решительных действий» (*Decisive Action*), которая основана на таких принципах, как «сближение с противником», «уничтожение всего, что попадает в поле зрения», «синхронизация ударов с закрытых огневых позиций» и т.д. Особый акцент сделан на повышении экспедиционных возможностей подразделений, которые должны быть способны моментально вступить в бой после перемещения на расстояния более 600 км⁵³.

48 С учётом того, что в настоящее время немало сухопутных частей укомплектовано личным составом лишь на 80% и менее от максимально возможного уровня, наивысший приоритет по мере наращивания численности СВ будут отдавать доукомплектованию подразделений тактического звена на 90–95% штатного расписания⁵⁴. Наиболее востребованы бойцы бронетанковых и воздушно-десантных специальностей. С конца 2016 г. США приступили к повышению именно их боеготовности, методично наращивают интенсивность учений, возможности по переброске, усиливают ротацию, увеличивают количество «тяжёлых» БТГ⁵⁵. За счёт Национальной гвардии и Резерва также усиливают урезанные командно-штабные структуры регулярных войск. В частности, к основным командным пунктам трёх корпусов и 10 дивизий в составе СВ прикрепили 13 оперативных подразделений численностью до 100 человек каждое⁵⁶.

49 Не обходится без недочётов. В рамках начатой реструктуризации упразднены остававшиеся со времён холодной войны девять рот глубинной полевой разведки. Предполагается, что «вылазки» в тыл противника вместо человека будут осуществлять беспилотные аппараты и средства радиоэлектронной разведки. Такое решение руководства СВ вызвало критику в военном сообществе. В отличие от техники люди способны действовать в любых погодных условиях. Руководство сухопутных войск полагает, что в будущих конфликтах американские БЛА будут обладать такой же свободой действий в воздухе, как в ходе кампаний в Ираке и Афганистане. При этом силы спецопераций вряд ли смогут полноценно заменить отряды глубинной разведки, поскольку слишком заняты другими задачами. Таким образом, СВ рискуют и вовсе потерять данные навыки⁵⁷.

50 Отдельного внимания заслуживает сосредоточение наземной группировки в Европе, где сухопутным войскам США приходится наращивать возможности, сниженные из-за закрытия баз и сокращения численности личного состава после окончания холодной войны. Пока что из ударных соединений на постоянной основе там остаётся 2-й Бронекавалерийский полк (бригада «Страйкер») в Германии и 173-я воздушно-десантная бригада в Италии, на ротационной основе с 2017 г. одна бронетанковая бригада из США, а также частично ротируемая 12-я бригада армейской авиации. Но анализ самих военных показал, что они не до конца приспособлены для войны с технически оснащённым противником, в первую очередь, с Россией⁵⁸. Для усиления СВ в Европе аккумулируют боевую технику на складах передового базирования, чтобы в случае конфликта перебрасываемый из США личный состав мог быстро включиться в бой. Первый этап был завершён в конце 2016 г. – в Нидерландах размещён штатный комплект ВВТ для одной «тяжёлой» БТГ (1600 ед.), а в Германии – для одной артиллерийской бригады. Параллельные усилия ведутся на территории Бельгии. Всего к началу 2020-х годов в Европе планируется разместить ВВТ для одной дивизии⁵⁹. Кроме того, после 2014 г. втрое выросло количество учений в Европе, расширился их масштаб и численность задействованных военнослужащих. На протяжении нескольких лет сухопутные

войска кратно наращивают возможности по тыловому обеспечению боевых частей в странах региона⁶⁰. Впервые со времён холодной войны готовятся провести учения дивизионного уровня по типу манёвров *Reforger (Return of Forces to Germany – Возвращение войск в Германию. – И.П.)*. В целом же задумка – создать на европейском ТВД объединённое оперативное командование тыла НАТО, а также ещё одну подобную структуру по переброске сил и средств из США в Европу, чтобы качественно повысить скорость и возможности альянса в борьбе с вероятным противником⁶¹.

51

Военно-техническая модернизация

В настоящее время сухопутным войскам не хватает техники для сдерживания и тем более разгрома сильных противников. Расходы на модернизацию ВВТ в 2008–2015 гг. упали на 74%, что хуже в сравнении с другими периодами сокращений (-64% после Вьетнама и -59% после окончания холодной войны). За этот же период НИОКР «просели» на 52% (-29% после Вьетнама и -17% сразу после холодной войны). СВ отстают от ВВС и ВМС, у которых внушительные модернизационные портфели на десятилетия вперед⁶². Следующие пять-шесть лет придётся воевать с техникой, которая была создана ещё до окончания холодной войны. Речь о так называемой «большой пятёрке» – танках «Абрамс», боевых машинах «Брэдли», вертолётах «Апач» и «Блэкхок», комплексах ПВО/ПРО «Пэтриот», которые за три десятилетия были лишь незначительно доработаны. 2000-е годы и вовсе стали «потерянным десятилетием» для модернизации ВВТ. Если так продолжится, то, по оценкам экспертов, к 2030 г. США будут отставать от России по шести пунктам сухопутной номенклатуры вооружений (включая РЭБ, дальнобойную артиллерию, ПВО и противотанковые системы), находиться на одном уровне всего по трём пунктам и опережать только по одному⁶³.

52 Осознав масштаб проблемы, сухопутные войска приступили к срочной реструктуризации органов управления, отвечающих за модернизацию ВВТ, – ведь на разработку и внедрение новейших систем понадобится не менее 10–20 лет. В августе 2016 г., вдохновившись опытом Управления стратегических возможностей Минобороны (*Strategic Capabilities Office*), СВ организовали собственное управление по ускоренному созданию боевых возможностей (*Rapid Capabilities Office*). Цель – сделать процесс приобретения вооружений более гибким и инновационным, нацеленным на быстрое создание прототипов самых необходимых систем и их обкатку в войсках. Для этого планируется искать существующие технологии и с их помощью быстро доводить до ума имеющуюся технику под нужны военных. Управление, проекты которого рассчитаны на срок от года до пяти лет, стало промежуточным звеном между Отделом быстрого комплектования (*Rapid Equipping Force*) СВ, внедряющим готовые решения в течение шести месяцев, и головными закупочными программами (*major acquisition programs*), на исполнение которых уходит 15–20 лет. Эта структура по типу венчурной компании с участием представителей оборонной промышленности и разработчиков гражданских технологий будет контролировать весь цикл от определения требований с оглядкой на возможности таких противников, как Россия и Китай, до испытаний и заключения контрактов. Организационное ядро – Бюро развивающихся технологий (*Emerging Technologies Office*)⁶⁴.

53 В октябре 2017 г. руководство сухопутных войск пошло дальше, объявив о намерении создать новое Командование по вопросам модернизации ВВТ (*Futures Command*). Конечные потребители техники – военные на местах – будут участвовать в определении требований ко всем сухопутным системам вооружений, создании прототипов, их тестировании и апробации до начала мелкосерийного производства. В основе деятельности

Командования – портфельный подход. Подразделение будет вести «портфели» по шести темам, которыми займутся восемь междисциплинарных целевых групп, – по высокоточным ударным средствам большой дальности; боевым машинам нового поколения; перспективным системам вертикального взлета; электронным сетям; ПВО и ПРО; персональной экипировке и вооружению. Проработкой облика структуры занимается спецгруппа под началом руководителя «офиса бизнес-трансформации» сухопутных войск⁶⁵. С лета 2018 г. Командование работает в тестовом режиме и выйдет на полноценное функционирование к середине 2019 года. Параллельно с этим велась реструктуризация исследовательских лабораторий сухопутных войск, шёл обзор научно-технических приоритетов, результатом которого должна стать модернизационная стратегия на 10 лет.

54 Эта инициатива – крупнейшая за последние десятилетия оптимизация процесса приобретения вооружений. Предполагается, что в её рамках консолидируют функции по вопросам закупок новой техники, ранее разбросанные по разным подразделениям СВ, чтобы исключить дублирование выполняемых задач. Вероятнее всего, создание нового командования повлечёт за собой радикальные изменения и в других сухопутных командованиях – в Командовании сил континентальной части США (*Forces Command*), Командовании материально-технического обеспечения (*Army Materiel Command*) и Командовании боевой подготовки и разработки доктрины (*Training and Doctrine Command*)⁶⁶.

55

Сохранение навыков стабилизационных и контрповстанческих операций

В ответ на значительное изменение геополитической обстановки с 2016 г. в структуре сухопутных войск создаётся новый тип наземных соединений – бригады содействия силам безопасности – БССБ (*Security Force Assistance Brigade, SFAB*), которые на постоянной основе займутся обучением и боевой подготовкой вооружённых сил других стран, сохранив при этом обычные боевые навыки. Это позволит сократить прямое участие вооружённых сил США в операциях по поддержанию стабильности и противодействию повстанческим движениям, чтобы ударные подразделения сосредоточились на ведении «большой» войны⁶⁷.

56 Последние 15 лет на содействие иностранным войскам, в первую очередь, афганским и иракским, в основном «отвлекались» не предназначенные для этого силы общего назначения. По мнению руководства сухопутных войск США, это негативно сказывается на их боеготовности. По действующей схеме, за рубеж отправляли группы военной подготовки (*Military Training Team, MTT*), каждая из которых состоит из офицеров и сержантов отдельной бригады из США. На время их командировки (9–12 месяцев) рядовой состав оставался без дела, что влияло на боевой дух, дисциплину и навыки, на восстановление которых «разделённым» бригадам требуется два-три года⁶⁸.

57 На деле БССБ – это кадррованное соединение, которое может составить «костяк» (500–800 военнослужащих офицерского и сержантского состава) дополнительной пехотной или бронетанковой бригады. В каждой БССБ будет от 36 до 58 боевых отделений советников (*Combat Advisory Team, CAT*) численностью 12 человек, ориентированных на подготовку частей любого типа – от роты до дивизии и даже корпуса. Инновации в том, что БССБ, в отличие от МТТ, по типу полноценных БТГ обладают командным звеном, включая собственный штаб, подразделения разведки, материально-технического обеспечения и прочие вспомогательные элементы. При необходимости их можно быстро доукомплектовать до нормального размера, тем самым нарастив ударные возможности сухопутной группировки

США. К началу 2020-х годов сухопутные войска планируют сформировать шесть таких частей (пять – в действующей армии и одну – в Национальной гвардии), прикрепив каждую к отдельному географическому боевому командованию. Подбором и обучением личного состава займётся специально созданная Академия подготовки военных советников на базе Форт-Беннинг, штат Джорджия. Там же развёрнута первая БССБ, которая весной 2018 г. должна была отправиться в Афганистан. Вторая бригада создаётся в Форт-Брагге, штат Северная Каролина, третья также появится в 2018 г., четвёртая и пятая – в 2019 году⁶⁹.

58 Руководство сухопутных войск рассматривает первую БССБ в качестве одного из столпов новой стратегии в Афганистане – экспериментального соединения, предназначенного для ведения «сетцентричных» операций. Боевые отделения советников оснащают средствами связи и навигации, которые раньше были доступны только на уровне штаба бригады. Такой подход может позволить более эффективно выполнять боевые задачи на местах. В Министерстве обороны будут наблюдать за тем, как бригада зарекомендует себя в деле, чтобы возможно распространить её опыт на всю армию⁷⁰. Как бы то ни было, новые соединения в структуре СВ по-видимому останутся надолго и свидетельствуют о преемственности администрации Д. Трампа начатому предшественником курсу на проведение зарубежных операций преимущественно «чужими руками». В штабе сухопутных войск отмечают, что американцы тренируют местные армии по всему миру и потребность в этом продолжит расти. Это означает, что БССБ «позволят США достигать целей национальной безопасности в течение следующих 25–50 лет»⁷¹.

59

Бои в городских условиях – будущее сухопутных операций

На протяжении нескольких лет американские «сухопутчики» обращают пристальное внимание на быстрые темпы глобальной урбанизации, указывая, что крупные военные операции исторически проводились именно в местах концентрации людей. Цифры говорят сами за себя. В 2008 г. доля городского населения в мире сравнялась с сельским и, согласно прогнозу Департамента по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН, к середине столетия может достигнуть двух третей населения Земного шара. Наибольший прирост будет обеспечен за счёт развивающихся стран юга, где одновременно продолжится демографический взрыв. Кроме того, прогнозируется, что к 2030 г. количество городов с населением более 1 млн. жителей вырастет по сравнению с 2016 г. на 30% – до 662 городов⁷².

60 В настоящее время СВ приспособлены к ведению войны на широких открытых пространствах. Однако в штабе сухопутных войск США полагают, что будущее за боями в густонаселенных районах. В качестве примера приводят битву за Мосул в 2016–2017 гг. Такие перспективы требуют значительных изменений доктрины, подготовки, численности, структуры командования и оперативного управления, тактики перемещения по ТВД и технической оснащённости⁷³.

61 Отвечая на вызов времени, теоретики из Военной академии США в Вест-Пойнте предлагают очередные изменения оргструктуры сухопутных войск – новый тип бригад для ведения боев в городских условиях (*Urban Brigade Combat Teams*) на основе бригад «Страйкер», которые можно приспособлять под условия конкретных мегаполисов, расширить до 5 тысяч человек и оснастить следующими «модулями»⁷⁴.

62 **Ударные подразделения** должны пройти подготовку по программе «тяжёлых» частей для городских условий. Это три мотопехотных батальона с усиленной броней и огневой мощностью (два – на основе машин «Страйкер», один – с машинами «Брэдли») и один

бронетанковый батальон (с танками «Абрамс»). Со временем имеющуюся технику, явно не приспособленную для узких улиц, мостов и холмистой местности предлагается заменить новым поколением ВВТ, специально сконструированной для города и способной к десантированию с транспортной авиации. В настоящее время идут работы по проекту лёгких танков, которые должны быть манёвреннее «Абрамсов» и мощнее и прочнее «Страйкеров». Первые образцы начнут поступать в войска с 2025 года⁷⁵. А с учётом того, что одна БТГ потребляет около восьми тонн топлива в сутки, сухопутные войска не исключают, что через 10 лет переведут часть соединений на электротехнику, снизят зависимость от горючего и повысят автономность подразделений. Требования к принципиально новой технике разрабатывает Центр передового опыта манёвренного боя сухопутных войск США – 75-тонные танки с электрогенератором мощностью 10–50 кВт. Первые прототипы боевых электромашин нового поколения ожидаются в начале 2020-х годов⁷⁶.

63 **Подразделения поддержки и обеспечения.** Опыт битвы за Мосул также показал необходимость огневой поддержки, для которой каждой такой бригаде потребуется один артиллерийский дивизион с высокоточными ракетными вооружениям, включая ближнюю ПВО с возможностью защиты от беспилотных летательных аппаратов. На передовой будет находиться один инженерный батальон со знанием гражданского строительства для устранения/возведения препятствий в городах, чтобы освободить путь собственным войскам, например, через здания, минуя открытые улицы, а также направлять противника в нужную сторону. В свете этого в Разведуправлении Минобороны США прогнозируют, что воевать в городах придётся и под землей, где проложены основные коммуникации и линии жизнеобеспечения⁷⁷.

64 Несмотря на то что в городских условиях весьма непросто придётся авиатехнике – слишком много проводов, узкие улицы, есть вероятность обстрела низколетящих объектов, мало мест для высадки подразделений, – в состав БТГ всё равно необходимо включить один батальон армейской авиации. Кроме того, нужен один батальон тылового обеспечения, который обязан стать более функциональным, чем сегодня. Например, взять на вооружение передовые производственные технологии, чтобы в полевых условиях в короткие сроки «довести до ума» имеющиеся образцы ВВТ или создать необходимые детали, а также роботизировать транспортные средства снабжения. А ввиду того, что в будущем войска столкнутся с обилием самодельных взрывных устройств на поле боя, нужен один модульный сапёрный батальон. Ведь от сапёров зависит выживание личного состава как на бригадном уровне, так и на уровнях вплоть до роты и даже отделения.

65 Повышенные требования к сбору агентурных данных, анализу социальных сетей, перехвату электронных сигналов требуют наличия в бригаде собственного модульного батальона военной разведки (современная структура бригад предусматривает только одну такую роту). При этом позитивный опыт применения подразделений разведподдержки в Ираке (*Company Intelligence Support Teams, COIST*) показывает, что разведчики должны действовать не только в интересах штаба бригады, но и быть в каждой линейной роте. Для взаимодействия с местным населением при ударных батальонах всегда должны быть и подразделения информационной поддержки (*Military Information Support Operations unit*) со знанием культурно-лингвистических особенностей. В связке с ними должен действовать один батальон кибер- и радиоэлектронной борьбы (КРЭБ), в функции которого будет входить обнаружение, обман и подавление электронных средств противника, защита собственных сетей, линий связи, средств навигации, командования и управления, проведение наступательных и оборонительных мероприятий в компьютерных сетях.

66 Сухопутные войска США находятся только в начале этого пути. Изучают возможность проведения операций в городских условиях, методично проводят

соответствующие командно-штабные учения с прицелом на конфликты в 2035–2050 гг.⁷⁸ Тесно координируют усилия на данном направлении, в первую очередь, на европейском ТВД с союзниками по Североатлантическому альянсу. Трансформационное командование НАТО с недавних пор проводит командно-штабные учения, где отрабатывает десантирование, боевые операции по наступлению и обороне, а также поддержанию стабильности в результате чрезвычайных ситуаций в городах⁷⁹. По-видимому, в рамках общенатовских приготовлений к возможной «большой» войне, как это закреплено в новом Полевом уставе.

67

За последние 25 лет сухопутные войска США прошли глубокие преобразования, которые кардинально изменили организацию американской наземной группировки сил и средств. Несмотря на смену геополитической обстановки, в первое десятилетие после окончания холодной войны значительных качественных подвижек не произошло. Все предпринятые шаги – количественные изменения, отражавшие естественную в новых условиях тенденцию к сокращению численности личного состава. В 1990-е годы войска сосредоточились на сохранении боеспособности, исправлении ошибок войны в Персидском заливе. Без необходимости противостоять равному врагу терялись экспедиционные возможности наземных частей. А без мобильности сухопутные войска не были готовы к расширению географического и функционального охвата задач.

68 Вместе с тем, военная мысль не стояла на месте, основное направление реформирования проходило в умах военачальников. В поиске ответов на угрозы будущего в американском военном сообществе развернулась теоретическая дискуссия, которая продолжается и сегодня. Именно достижения военной теории в тот период заложили основу для последовавших за этим масштабных реформ, послужив интеллектуальным фундаментом для участия СВ в повышении «объединённости» усилий всех вооружённых сил США. Тогда появилось представление о необходимости быстро развёртывать крупные наземные контингенты с одного ТВД на другой и осуществлять быстрое маневрирование на поле боя, что привело в дальнейшем к наращиванию возможностей стратегических перебросок по воздуху и морю, облегчило бронетехнику и изменило сухопутную оргструктуру.

69 Новый курс развития военной организации, или трансформация, в 2000-е годы предоставил войскам уникальную возможность приступить к реализации теоретических наработок и внедрению новейших технических достижений предыдущего десятилетия. На заре трансформации её архитекторы предполагали, что, следуя тенденции к сокращению финансирования обороны, расходы на обеспечение ВС продолжат снижаться. Предлагалось отказаться от систем ВВТ, ориентированных на крупные сражения прошлого, в пользу технологических решений будущего, основанных на достижениях в информационных средствах. Но теракты 11 сентября 2001 г. спровоцировали резкий рост оборонных расходов. В теории это создавало благоприятные условия, но на практике препятствовало избавлению от оборудования, концепций и организации, ориентированных на решение задач прошлого.

70 Идеи трансформации оказались несовместимы с условиями войны с террором, поскольку были излишне ориентированы на проведение коротких победоносных операций против регулярных ВС с опорой на современные системы ВВТ, как это было в Ираке в 1991 г. Военно-политическое руководство США критиковали за нереалистичную убеждённость в том, что технологии способны заменить человека в бою. На практике войска столкнулись со сложным противником в непривычных боевых условиях, заставивших вновь обратиться к опыту войны во Вьетнаме, повторения которой в Министерстве обороны старались избегать, не учитывая в планировании и подготовке. В итоге пришлось скорректировать курс реформирования сухопутных войск с учётом проведения длительных операций, связанных с

поддержанием стабильности и послевоенным восстановлением оккупированных территорий.

71 Главное наследие реформ того периода заключается в организационных и концептуальных преобразованиях, ставших отличным заделом для долгосрочного реформирования ВС в XXI веке. Трансформация дала жизнь множеству систем ВВТ, используемых и сегодня, привела к изменению принципов построения сухопутных войск. Эти достижения, однако, не удалось адаптировать к условиям боя с противником, с которым США столкнулись на более поздних фазах боевых действий в Афганистане и Ираке. Министерству обороны пришлось переключиться на решение насущных задач, ввиду чего сменивший Д. Рамсфельда глава минобороны Р. Гейтс отложил реформирование до прихода следующей администрации.

72 Печальный опыт Афганистана и Ирака, однако, позволил дать новаторскую характеристику особенностям участия в подобных операциях, описанных рядом так называемых «контрповстанческих парадоксов». В частности, что защищенность ВС не гарантирует их безопасности, а численность контингента не означает эффективности его применения. Эти принципы нашли отражение в так называемом «парадоксе безопасности», сформулированном руководством Комитета начальников штабов в начале 2010-х годов как «повышение рисков, несмотря на снижение угрозы крупномасштабных конфликтов». Следуя этой логике, по мере завершения крупных наземных операций и снижения оборонных расходов Министерство обороны продолжило поиск возможностей приспособления сухопутных войск к выполнению широкого круга задач.

73 При Б. Обаме сухопутным войскам США вновь пришлось сокращать численность и расходы, не теряя при этом боеспособности. Они взяли курс на адаптацию к условиям мирного времени, предполагавшим повышение оперативной гибкости, расширение зарубежного присутствия и выполнение небоевых функций. С целью повышения эффективности межвидовых наземных операций в глобальном масштабе шли преобразования в доктринальных документах, организации и управлении, комплектовании, подготовке и образовании личного состава, а также в снабжении и содержании сопутствующей сухопутной инфраструктуры.

74 Приход к власти республиканской администрации Д. Трампа совпал с интеллектуальным разворотом доктрины к «большой» войне. Стратеги в Министерстве обороны исходили из того, что меняющиеся условия безопасности требуют очередной переоценки обстановки и адекватного военного ответа. Значительную часть времени после холодной войны сухопутные войска США пытались адаптироваться под положения теорий, в которых ключевое место занимали другие виды войск, в первую очередь ВВС. Однако сейчас пришли к выводу о растущем значении именно наземной группировки в обеспечении длительных результатов в будущих боевых действиях. Причём в долгосрочной перспективе делают ставку на создание «умной» армии – максимальное задействование не только физического, но всё больше интеллектуального потенциала военнослужащих как рядового и сержантского состава, так командных кадров среднего и высшего звена, их всестороннюю подготовку к участию и победе в конфликтах с любым противником и в любой оперативной обстановке.

75 Восприняв передовые достижения, в первую очередь, в области теории управления, армия США сумела сохранить свою актуальность и обеспечить себе лидирующую позицию в структуре американских вооружённых сил. Сухопутные войска доказали, что способны к глубокому анализу окружающей действительности и комплексной реакции на непрерывное изменение внешних условий. Они проявили себя в качестве гибкой системы, открытой к адаптации и взаимодействию с другими элементами национальной мощи. Более того, выступили в качестве примера для всей военной организации США, которая, наверняка, будет

внедрять в повседневную деятельность различные организационные и доктринальные нововведения «сухопутчиков».

76 Сухопутные войска вернулись к тому, что им было привычно в эпоху биполярного противостояния, – «армии должны воевать». Такой вектор развития уверенно и надолго закрепится и, вероятно, потребует апробации, учитывая масштаб предпринятых инвестиций и изменений в организации, подготовке и прочих сферах деятельности. Но, что важнее, преобразования в отдельном виде войск могут иметь гораздо более масштабные последствия и оказать влияние в целом на развитие военно-политической обстановки в мире. Именно с подачи сухопутных войск США в американской стратегии безопасности закрепляются очертания конкретного врага, с которым предполагается бороться. Вольно или невольно американское военно-политическое руководство подталкивает другие государства (в первую очередь, обозначенные в качестве противников, но и не только их) к ответным действиям в плане своих военных доктрин и подготовки сил и средств. Новый подход Вашингтона – опасный путь, который вряд ли окажет сдерживающее воздействие на поведение других стран, а, наоборот, только «подогреет» атмосферу международной напряжённости и будет способствовать ускорению гонки вооружений.

Реформирование организационной структуры сухопутных войск США в конце XX – начале XXI века

Прокопьев И. Р.

*Институт США и Канады РАН; МИД России
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются масштабные теоретические и практические усилия сухопутных войск США по поиску своего места и роли в американских вооружённых силах после окончания холодной войны. Анализируются ключевые изменения в доктрине, организационной структуре, методах подготовки и ведения боя, вызванные необходимостью адаптации к геополитическим и экономическим условиям последних 25 лет.

Ключевые слова: сухопутные войска США, реформирование вооружённых сил после холодной войны, военная политика, военная мысль, оборонное планирование

Дата публикации: 12.09.2018

Ссылка для цитирования:

Прокопьев И. Р. Реформирование организационной структуры сухопутных войск США в конце XX – начале XXI века // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Выпуск 2 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000019-7-1/> (дата обращения: 27.05.2020). DOI: 10.18254/S0000019-7-1